

КВИНТИЛИАН И ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ О ГРЕЧЕСКИХ ЭПИКАХ

Десятая книга трактата “Воспитание оратора” начинается с рассуждений о пользе чтения. Классическая литература дает начинающему оратору достойные подражания образцы. Впрочем, и у лучших писателей есть недостатки; от читателя требуется умение видеть плюсы и минусы каждого. Квинтилиан перечисляет признанных греческих авторов, характеризуя как положительные, так и отрицательные качества их таланта. Затем приводится аналогичный перечень римских литераторов. В работе с латинским материалом Квинтилиан стал новатором, однако в области греческой литературы у него были предшественники,¹ прежде всего Дионисий Галикарнасский, автор трактата “О подражании”, дошедшего в эпитомированном виде. Сходство *Inst.* X, 1, 46–84 со второй книгой *Περὶ μὲτρῆσεως* было замечено уже первыми издателями Дионисия.² Расплывчатые формулировки, встречающиеся в работах по римской литературной критике и ком-

¹ Трудный вопрос о происхождении так называемых “канонов” – перечней лучших представителей различных литературных жанров – впервые был затронут Давидом Рункеном в предисловии к изданию Рутилия: *Rutilii Lupi de figuris sententiarum et elocutionis libri II*. Ex rec. et c. adnot. D. Ruhnkenii ed. C.-H. Frotscher (Lipsiae 1831); см. также: O. Kröhnert. *Canonesne poetarum, scriptorum, artificum per antiquitatem fuerunt?* (Regimonti 1897); I. Rutherford. *Inverting the canon: Hermogenes on Literature // Harvard Studies in Classical Philology* 94 (1992) 355–378.

² В 1546 г. в Париже Робер Этьенн издал “Римские древности” Дионисия Галикарнасского, а в 1554 г. его сын Анри опубликовал “текст о греческих писателях”, который он обнаружил внутри рукописи “Риторики”, долгое время приписываемой Дионисию и широко известной читателям XVI в.: см. *Dionigi di Alicarnasso. Sull'imitazione*. Edizione critica, traduzione e commento a cura di Daniela G. Battisti (Pisa – Roma 1997) 32. Анри Этьенн считал, что текст принадлежит Дионисию, и отметил сходство с Квинтилианом (чему, возможно, способствовало переиздание годом раньше X книги “*Institutio*”, осуществленное Тома Ришаром). Точную атрибуцию, спустя несколько десятилетий (в 1591 г.), произвел Фридрих Зилбург. Он признал опубликованный отрывок эпитомой недошедшего сочинения *Περὶ μὲτρῆσεως* Дионисия Галикарнасского, которое греческий грамматик сам неоднократно упоминал в других работах.

ментариях к обоим авторам (“широко пользуется”, “многим обязан”)³ демонстрируют отсутствие у комментаторов отчетливого представления о характере заимствования и степени самостоятельности римского ритора. У исследовавших вопрос детальнее сложилось, между тем, определенное мнение, высказанное сперва Узенером и Неттлшипом, подтвержденное Радермахером, и его же авторитетом превращенное в *opinio communis*: Квинтилиан и Дионисий пользовались общим источником – “сочинением некоего ритора”.⁴

“Греческий список” Квинтилиана состоит из четырех основных частей, соответствующих четырем разделам эпитомы (поэты, историки, ораторы и философы⁵); поэты распределены по группам в соответствии с жанровой принадлежностью (эпос, лирика, комедия, трагедия, новая комедия⁶). Вслед за непревзойденным Гомером, которому Квинтилиан посвящает шесть параграфов, в противовес одной фразе эпитомы, идут три других эпика: Гесиод, Антимах и Паниасис. Они составляют отдельную группу, их характеристики логически взаимосвязаны и частично совпадают с замечаниями Дионисия. Пассаж *Inst.* X, 1, 52–54 на первый взгляд настолько похож на текст эпитомы, что сама собой возникает мысль о заимствовании, однако при внимательном рассмотрении видны и отличия, особенно в характеристике Паниасиса. Данная группа представляет, таким образом, особый интерес для исследователя,

³ J. Cousin. *Études sur Quintilien* (Paris 1936) 561–569; S. F. Bonner. *The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus. A Study in the Development of Critical Method* (Cambridge 1939) 39–40; J. F. D’Alton. *Roman Literary Theory and Criticism* (New York 1962) 445; G. Kennedy. *The Art of Rhetoric in the Roman World. 300 B.C.–A.D. 300* (Princeton, New Jersey 1972) 508; *Quintilian. The Orator’s Education*. Ed. and transl. by D. A. Russel (Cambridge, Mass.–London 2001) 6.

⁴ H. Usener. *Dionysii Halicarnasei Librorum de Imitatione Reliquiae Epistolaeque criticae duae* (Bonn 1889) 3–5; H. Nettleship. *Lectures and Essays, Second Series* (Oxford 1895) 83; L. Rademacher, “Kanon”, *RE* X (1919) 1873–1878; R. Pfeiffer. *History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of the Hellenistic Age* (Oxford 1968) 203–205.

⁵ У Квинтилиана философы почетно замыкают список, в то время как у Дионисия, в соответствии с композиционной логикой (самое главное – в конце), на последнем месте ораторы.

⁶ Комедия, как новая, так и древняя, у Дионисия отсутствует. После эпиков Квинтилиан называет еще 10 поэтов, которых Дионисий не упоминает: 1. Аполлоний, 2. Арат, 3. Феокрит, 4. Писандр, 5. Никандр, 6. Эвфорион, 7. Тиртей, 8. Каллимах, 9. Филет, 10. Архилох.

ставящего себе задачу определить принципы работы Квинтилиана с греческим источником, равно как и характер самого этого источника. Мы рассмотрим ее по частям, отправляясь от греческого текста.⁷

1. ГЕСИОД

Дионисий ограничивается похвалой стилю (II, 2):

Ἡσίοδος μὲν γὰρ ἐφρόντισεν ἡδονῆς καὶ ὀνομάτων λειότητος καὶ συνθέσεως ἐμμελοῦς.

Так, Гесиод заботился о том, что доставляет удовольствие,⁸ и о складности слов, и о стройности их сочетаний....

У Квинтилиана характеристика полнее (X, 1, 52):

Raro adsurgit Hesiodus magnaue pars eius in nominibus est occupata, tamen utiles circa praecepta sententiae, *levitasque verborum et compositionis* probabilis, daturque ei palma in illo medio genere dicendi.

Редкие стихи Гесиода возвышенны,⁹ и значительное место у него занимают имена,¹⁰ однако полезны <его> поучительные высказывания, достойна одобрения складность слов и их сочетаний, и в среднем роде красноречия ему отводится первое место.

Латинская фраза имеет четкую структуру. Упомянув о недостатках (1. *raro adsurgit*; 2. *magna pars in nominibus est occupata*) и сумев при этом даже развести “Теогонию” и “Труды и дни”, Квинтилиан отдает должное достоинствам Гесиода (3. *utiles circa praecepta sententiae*; 4. *levitasque verborum et compositionis probabilis*) и заключает свое высказывание оправданным выводом (5. *daturque ei palma in illo medio genere dicendi*). В нескольких словах выражено

⁷ Текст Дионисия ниже приводится по изданию: G. Aujaç. *Denys d’Halicarnasse, Opuscules rhétoriques*. V (Paris 1992). Текст Квинтилиана: *Quintilian. The Orator’s Education*. Ed. and transl. by D. A. Russel (Cambridge, Mass.–London 2001).

⁸ D. H. *De comp.* II: τὰ ττω δὲ ὑπὸ μὲν τὴν ἡδονὴν τὴν τε ὄραν καὶ τὴν χάριν καὶ τὴν εὐστομίαν καὶ τὴν γλυκύτητα καὶ τὸ πιθανὸν καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα.

⁹ A revised text with introd. essays, critical and explanatory notes by W. Peterson (Hildesheim – Olms 1967 [Oxford 1891]) *ad loc.*: “It is because in him epic poetry has descended to the sphere of common life”.

¹⁰ Речь идет о “Теогонии”.

самое важное: прекрасный стиль, ценные житейские наблюдения и немного однообразное содержание – таков Гесиод по мнению римского критика.

Сразу видно, что латинская характеристика ярче и объемней: она отражает как ценные, полезные для учеников ритора особенности автора, так и творческие неудачи с точки зрения Квинтилиана. При этом в сохранившемся греческом тексте нет негативных оценок, а хвалебный отзыв о стиле Гесиода передан Квинтилианом почти дословно, что дает повод задуматься о том, насколько самостоятельны его упреки и отражают ли они оригинальный текст Дионисия, подвергшийся значительным сокращениям в процессе составления эпитомы. Если Квинтилиан читал еще полный текст Дионисия, то, вероятнее всего, использовал и его критические замечания; если же он располагал только эпитомой, в которой уже нет отрицательных характеристик, то его негативные суждения – результат собственных размышлений. Предпочсть тот или иной вариант мы можем только на основании косвенных доводов, рассмотрев каждое критическое замечание в отдельности и оценив возможную степень его самостоятельности.¹¹

Жесткое *raro adsurgit Hesiodus* в начале предложения, без всяких вводных слов, кажется не вполне справедливым: сравнение с Гомером, чьи стихи почти всегда возвышенны, неправомерно. Но для Квинтилиана недостаток пафоса, как и избыток греческих имен, – несомненный минус, что синтаксически подчеркнуто *tamen*, за которым следуют похвалы. И если первый упрек еще можно счесть общим местом,¹² то второй – характерное замечание практичного римлянина, который, пожалуй, не советовал бы начинающему ритору слишком углубляться в детали теогонии.

От чтения Гесиода есть, тем не менее, определенная, и немалая, польза: во-первых, нравоучительные высказывания, которые стоит обдумать, а то и просто позаимствовать (трудно определить, что конкретно имеется в виду под *utiles*; видимо, и то и другое). Здесь похвала Квинтилиана точна, выразительна и, конечно, самостоя-

¹¹ Раздел из главы об историках, сохранившийся как авторская вставка в “Письме к Помпею” и посвященный сравнительному анализу Геродота и Фукидида, свидетельствует о несомненном наличии в трактате Дионисия критических замечаний.

¹² См.: *M. Fabi Quintiliani Institutionis oratoriae liber decimus: texte latin*. Publié avec un commentaire explicatif par J.-A. Hild (Paris 1885) *ad loc.*

тельна: чувствуется собственный опыт – и читательский и педагогический. Кроме того, вряд ли при составлении эпитомы из характеристики Гесиода могла выпасть такая верная и положительная черта, как наличие сентенций.

Зато в оценке стиля Квинтилиан явно следует Дионисию. Заметив, что ὀνομάτων λειότης и σύνθεσις <ὀνομάτων> ἐμμελής, по сути, дублируют друг друга, он, тонко уловив мысль греческого автора, передает ее по-латыни, как и подобает, кратко и емко: *levitas verborum et compositionis*. И именно возможность такой формулировки помогает нам понять исходный греческий текст: под *compositio* здесь, как и под σύνθεσις, подразумевается не композиция всего сочинения, а сочетание слов.¹³ Однако выражение ἐφρόντισεν ἥδονῆς не находит отражения в латинском тексте. По-видимому, оно не вписывается в структуру высказывания и не соответствует цели Квинтилиана: он стремится охарактеризовать Гесиода с позиций литературного критика, а не преподавателя стилистики, и пользуется греческим источником лишь по мере необходимости, не утруждая себя дословным переводом.

Резюме Квинтилиана интересно вдвойне. Во-первых, обращает на себя внимание осторожно-безличное *datur ei palma*. Что скрывается за этими словами: общее мнение или личное суждение критика, выраженное так для большей убедительности? Во-вторых, почему Гесиод признается лучшим *in illo medio genere dicendi*, и что подразумевается под “средним” родом красноречия?

Теория трех стилей, формировавшаяся на протяжении всего эллинистического периода, известна в классическом изложении Цицерона (*Or.* 20–22, 75–100).¹⁴ Квинтилиан, рассуждая о трех родах красноречия (*Inst.* XII, 10, 16–19; 58), во многом повторяет своего авторитетного предшественника.¹⁵ Однако Цицерон,

¹³ Имеется в виду, что слова тщательно подобраны, “отшлифованы” и “пригнаны” друг к другу, нет стилистических неточностей в словоупотреблении. Ср.: “levigatezza delle parole” (Battisti [прим. 2] 75).

¹⁴ См. также: Cic. *De opt. gen.* 2–4.

¹⁵ Ср., напр., Cic. *De or.* II, 129: *in dicendo ... tres sunt res, ut ante dixi: una conciliandorum hominum, altera docendorum, tertia concitandorum. Harum trium partium prima lenitatem orationis, secunda acumen, tertia vim desiderat; Quint. Inst.* XII, 10, 59: *quorum (sc. generum dicendi) tamen ea fere ratio est, ut primum docendi, secundum movendi, tertium illud, utrocumque est nomine, delectandi sive, ut alii dicunt, conciliandi praestare videatur officium, in docendo autem acumen, in conciliando lenitas, in movendo vis exigi videatur.* О влиянии

говоря в основном об ораторах, нигде не упоминает Гесиода как характерного представителя *genus medium*. У Дионисия же в сочинении *Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων*, которое Квинтилиан явно читал,¹⁶ Гесиод приведен в пример как поэт другого, “гладкого” стиля (*γλαφυρὰ ἁρμονία*). Можно думать, что Квинтилиан ссылается на мнение греческих грамматиков, однако в этом случае оказалось бы, что Дионисий противостоит распространенному суждению, о существовании которого мы догадываемся только по фразе Квинтилиана. Более вероятно, что Квинтилиан сам приходит к выводу относительно Гесиода, возможно, в результате размышлений над релевантным пассажем Цицерона, особенно над последними словами (*Or.* 21):

est autem quidam interiectus inter hos medius et quasi temperatus nec acumine posteriorum nec fulmine utens superiorum, vicinus amborum, in neutro excellens, utriusque particeps vel utriusque, si verum quaerimus, potius expers, isque uno tenore, ut aiunt, in dicendo fluit nihil afferens praeter facultatem et aequalitatem aut addit aliquos ut in corona toros omnemque orationem *ornamentis modicis verborum sententiarumque distinguit*.

Мы видим, таким образом, у Квинтилиана самостоятельное, четко структурированное, стилистически и содержательно законченное высказывание, в которое, в усовершенствованном виде, интегрировано замечание Дионисия о стиле Гесиода.

2. АНТИМАХ

Дионисий (II, 3):

Ἄντιμαχος δὲ εὐτονίας καὶ ἀγωνιστικῆς τραχύτητος καὶ τοῦ συνήθους τῆς ἐξάλλαγῆς.

Антимах же <заботился о> напряжении, и выразительной резкости, и отступлении от обычного словоупотребления.

Цицерона на Квинтилиана см.: Russel (прим. 3) 6; Cousin (прим. 3); D’Alton (прим. 3) 203; Х. Я. Лекер. *Квинтилиан как критик римской литературы*. Автореф. дисс. (М. 1952) 7.

¹⁶ Квинтилиан (*Inst.* X, 1, 46) заимствует у Дионисия (*De comp.* 24) сравнение Гомера с Океаном и пересказывает приведенную Дионисием цитату из “Илиады” (*Il.* 21, 195–196).

Квинтилиан (X, 1, 53):

Contra in Antimacho vis et gravitas et minime vulgare eloquendi genus habet laudem. Sed quamvis ei secundas fere grammaticorum consensus deferat, et adfectibus et iucunditate et dispositione et omnino arte deficitur, ut plane manifesto appareat quanto sit aliud proximum esse, aliud secundum.

Напротив, у Антимаха заслуживают похвалы сила и весомость и совсем не обыденная манера выражаться. Но хотя грамматики единодушно отводят ему почти что второе место, ему недостает и эмоциональной выразительности, и приятности <слога>, и ясности изложения, и вообще мастерства, так что становится совершенно очевидным, насколько разные вещи – стоять совсем рядом или быть <только> вторым.¹⁷

Суждение Квинтилиана об Антимахе образует логическую антитезу характеристике Гесиода, вводимую решительным *contra*. И снова похвала словно из чужих уст: обезличенное *habet laudem* оставляет пространство нашему воображению. Одобряет ли сам Квинтилиан манеру Антимаха или *habet laudem* отсылает к распространенному мнению грамматиков, о которых пойдет речь в следующей фразе? И кого, собственно, он имеет в виду, говоря *consensus grammaticorum*? Можно предположить, что Квинтилиан читал большое количе-

¹⁷ Имеется в виду, что, хотя Антимах и может претендовать на второе место среди эпиков, но до первого ему очень далеко; ср. Quint. *Inst.* X, 1, 51: *Verum hic (sc. Homerus) omnis sine dubio et in omni genere eloquentiae procul a se reliquit, epicos tamen praecipue, videlicet quia durissima in materia simili comparatio est.* Петерсон скорее склоняется именно к такому пониманию антитезы *proximus – secundus*: “proximum is generally taken as meaning ‘very near’, while *secundus* only = prior tertio et reliquis” (Peterson [прим. 8] 34). Ср. Quint. *Inst.* X, 1, 86: *secundus, inquit, est Vergilius, propior tamen primo quam tertio*, и справедливый комментарий издателя: “Here the interval between first and second is less than that between second and third: Virgil is a ‘good second’” (Peterson, *ibid.*, 56). Известный горацианский пассаж об Орфее: *unde nil maius generatur ipso // nec viget quidquam simile aut secundum. // proximos illi tamen occupavit // Pallas honores // proeliis audax...* (Hor. *Carm.* I, 12, 18) напрасно смущает Петерсона, поскольку не является строгой параллелью к разбираемому нами месту. *Secundus* и *proximus* здесь не противопоставлены друг другу и не обозначают разную степень качества: невозможно поместить Афину в один ряд с Орфеем. Ее *honores – proximi* не из-за того, что богиня в чем-то уступает мифическому музыканту, а потому, что Горация занимает в первую очередь проблема творчества и лишь затем – военная тематика.

ство греческих работ по теории литературы и стилистики, в которых говорилось о положении Антимаха среди других поэтов, и словами *ei secundas fere grammaticorum consensus deferat* подытожил свои впечатления от прочитанного. На первый взгляд может показаться (если относить *fere* по смыслу к *consensus*), что большинство гипотетических грамматиков (но не все) называли Антимаха вторым эпическим поэтом после Гомера. Такое предположение теоретически возможно, но есть и другое объяснение, выводимое из характера работы Квинтилиана над греческим источником. Посчитав, что позиции Гесиода и Антимаха определены недостаточно отчетливо (из обыкновенного μέν ... δέ никак не следует, что один эпик чем-то лучше или хуже другого), римский критик скрывает за “почти вторым местом” (грамматически более привычно постпозитивное *fere*) завуалированный упрек автору эпитомы. С другой стороны, удобно сослаться на *grammaticorum consensus*, если это – общее мнение, изложенное в школьном учебнике или практическом руководстве, каковым и могла быть для римлян эпитома Περὶ μέτρησης. В этом случае нетрудно понять, почему Квинтилиан нигде не указывает данную работу Дионисия, хотя упоминает его сочинение “О фигурах”, и вообще обычно ссылается на цитируемых авторов.¹⁸ Дополнительным аргументом служит близкое сходство *Inst.* X, 1, 52–54 именно с эпитомой (которая, судя по сохранившемуся оригинальному отрывку Περὶ μέτρησης, заметно отличается от исходного произведения). Вернемся к тексту *Inst.* X, 1, 53 и сравним его с *De imit.* II, 3.

Дионисий рисует портрет Антимаха тремя яркими и четкими штрихами: 1. εὐτονία; 2. ἀγωνιστικὴ τραχύτης; 3. ἡ ἐξᾶλλαγή τοῦ συνήθους. Реплика Квинтилиана бледнее и символичнее: 1. *vis*; 2. *gravitas*; 3. *minime vulgare eloquendi genus*. *Vis* примерно передает греческое εὐτονία, хотя само по себе маловыразительно: в дословном переводе *contentio* было бы точнее. Идущее следом *gravitas* не столь шаблонно, как может показаться:¹⁹ подметив у Дионисия антитезу λειότης – τραχύτης, Квинтилиан, изящно играя словами, вводит

¹⁸ К примеру, на Цецилия из Калеакты, см.: Quint. *Inst.* III, 6, 49; V, 10, 7; IX, 3, 38. 91 etc.

¹⁹ У Цицерона пара *vis – gravitas* встречается довольно часто (*De or.* 2, 334; *Brut.* 88; *In Q. Caec.* 8; 27; *Pro Mur.* 6; 66; *De Har.* 2; 41; *Phil.* 9; *De fin.* 12; *De nat.* 2, 93), наряду с сочетанием *vis et contentio* (*De or.* 1, 255; 2, 213; *Brut.* 276) и даже *asperitas contentionis* (красивое место – *De or.* 2, 212: *neque est ulla temperatior oratio, quam illa, in qua asperitas contentionis oratoris ipsius humanitate conditur*). Квинтилиан не мог этого не знать.

ложно-антонимическую пару *levitas – gravitas*. Третья составляющая латинской характеристики Антимаха практически буквально передает греческое словосочетание. Однако Квинтилиан на этом не останавливается. Превратив нейтральный отзыв в сомнительную похвалу (за счет суперлатива *minime vulgare*) и отведя Антимаху “почти второе место”, римский критик создает легкую положительную градацию, за которой, однако, следует выражено негативный климакс (*et adfectibus et iucunditate et dispositione et omnino arte deficitur*) и, наконец, язвительный вывод (*ut plane manifesto appareat quanto sit aliud proximum esse, aliud secundum*).²⁰ Резкость объяснима не столько личным неприятием творческой манеры автора, сколько ее несоответствием эстетико-стилистическим убеждениям Квинтилиана. Определенные достоинства Антимаха – внутренняя сила, резкость и непривычная речь – не компенсируют бедности чувств, неясности изложения и, главным образом, отсутствия “приятности” (*iucunditas*), достижение которой (к примеру, через *levitas verborum et compositionis*, как у Гесиода) – задача настоящего мастера, сочетающего врожденный талант с искусством учить, вызывать сопереживание и доставлять удовольствие.²¹

3. ПАНИАСИС

Дионисий (II, 4):

Πανύασις δὲ τὰς τε ἀμφοῖν ἀρετὰς εἰσηνέγκατο, καὶ αὐτὸς πραγματεία καὶ τῇ κατ' αὐτὸν οἰκονομίᾳ διήνεγκεν.

Паниасис же как демонстрирует качества <их> обоих, так и отличается содержательностью и собственной манерой располагать материал.

Квинтилиан (X, 1, 54):

Panyasin, ex utroque mixtum, putant in eloquendo neutrius aequare virtutes, alterum tamen ab eo *materia*, alterum *disponendi ratione* superari.

²⁰ Лексико-семантический комментарий Квинтилиана обнаруживает римскую любовь к точности.

²¹ Ср.: Cic. *De opt. gen.* 3: *Optimus est enim orator qui dicendo animos audientium et docet et delectat et permovet*; Quint. *Inst.* III, 5, 2: *Tria sunt item quae praestare debeat orator, ut doceat moveat delectet.*

Паниасис же, сочетающий в себе < достоинства > обоих, как считают, не сравнялся в красноречии ни с тем, ни с другим, однако превосходит одного – содержанием, а другого – способом распределения < материала >.

Третий и заключительный пассаж рассматриваемой группы тесно связан с двумя предыдущими: характеристика Паниасиса строится на сопоставлении его с Гесиодом и Антимахом. Сложность в том, что результаты сравнения у Дионисия и Квинтилиана различны. На первый взгляд, из текста эпитомы следует, что в поэмах Паниасиса присутствуют отмеченные Дионисием достоинства и Гесиода (плавность языка, нравоучительность), и Антимаха (напряжение, резкость), а вдобавок еще и то, в чем каждый из них был не столь удачлив: насыщенное содержание (контрастирующее с утомительным обилием имен в “Теогонии”) и умелое распределение материала (не ставшее отличительной чертой “Фиваиды”). Однако неясно, почему поэт, сочетающий все эти достоинства, назван лишь третьим. Очевидно, автора эпитомы нужно понимать иначе, и Квинтилиан поясняет: *putant in eloquendo neutrius aequare virtutes*. В то же время, сохраняется мысль о частичном сходстве Паниасиса со своими литературными соперниками: Πάνυασις δὲ τὰς τε ἀμφοῖν ἀρετὰς εἰσηνέγκατο – *Panyasin, ex utroque mixtum*.²² Римский критик пытается обобщить простую идею автора эпитомы: у Паниасиса лучше вышло то, в чем Гесиод и Антимах не преуспели (это, очевидно, не так уж сложно), но превзойти их достоинства ему не удалось, и потому он заслуживает лишь третьего места.

Анализ выбранного нами отрывка (*Inst.* X, 1, 52–54) приводит, таким образом, к следующим заключениям. Во-первых, Квинтилиан при необходимости включает в свой текст буквальные переводы некоторых характеристик Дионисия, однако часто переде-

²² Независимо от того, возвращаться ли к рукописному чтению ἡνέγκατο, как это делает Баттисти, или же вслед за Узенером и Ожаком принимать конъектуру Бонне εἰσηνέγκατο, смысл фразы останется неизменным: Паниасис “вводит” в текст, то есть демонстрирует, проявляет некоторые качества как Гесиода, так и Антимаха. Ср.: “Paniassi *introdusse* le qualità di ambedue, inoltre egli si distinse nel contenuto e nella particolare disposizione” (Battisti [прим. 2] 75). Однако полагать, что он достигает их уровня мастерства, – поспешно и логически неверно.

лывает их, приспособлявая к латинскому языку и собственному образу мыслей. Местами он спорит с Дионисием, уточняя или переосмысливая его высказывания. Во-вторых, по сравнению с эпитомой, Квинтилиан добавляет критические замечания, оригинальный характер которых позволяет предположить, что они сделаны им самостоятельно. Римский ритор свободно трактует греческий текст, используя его как исходный материал для собственного исследования. С другой стороны, текстуальные совпадения наблюдаются именно с конспектом трактата *Περὶ μιμίσεως* (который был не только уменьшен, но и частично видоизменен в процессе составления эпитомы). Исходя из этого, мы делаем вывод, что Квинтилиан располагал уже не полным текстом *De imitatione*, а лишь сокращенным вариантом, существовавшим в виде школьного риторического пособия, возможно, даже без имени Дионисия (что объясняет отсутствие конкретных ссылок: *grammaticorum consensus; putant*). Каждое отличие латинского текста от греческого находит свое объяснение, если учитывать критическую манеру работы Квинтилиана с используемым материалом. Таким образом, нет оснований постулировать существование общего источника для списка греческих эпиков у Дионисия Галикарнасского и Квинтилиана.

Е. С. Варганова

Санкт-Петербургский университет

As early as the 16th century, scholars were already noticing that in his analysis of Greek literature, Quintilian is much indebted to Dionysius of Halicarnassus – the extant epitomized version of *De imitatione* II and *Inst.* X, 1, 46–84 show close resemblance. Nowadays there is still no *opinio communis* about the relation between Quintilian and Dionysius, although some commentators tacitly approve the theory of common source set forth by L. Radermacher. In this article, the Greek and Latin characteristics of epic poets (Hesiodus, Antimachus and Panyasis) are compared, as their similarity is the most apparent.

Quintilian's characterization is obviously more profound and versatile. He discusses the merits and demerits of each poet, while the Greek text of epitome contains laudable characteristics only. Quintilian's criticism not only demonstrates his own personal likes and dislikes (e. g. for the austere manner of Antimachus), but also shows his practical experience as a teacher and a reader (cf. his reproach on Hesiodus with lack of sublimity and abundance of names). And as long as we admit

Quintilian's censorious remarks to be self-dependent, while his positive comments are very similar to the Greek text, we can assert that it was already the epitomized text (most likely in the form of a textbook, without an author's name) which he read and used as a source for his treatise. The absence of direct references to Dionysius confirms this assumption. The differences between *Inst.* and *De imit.* evolve when the Roman critic interprets the text of the epitome or gives his own opinion. Thus, there is no need to allege a common source for Quint. *Inst.* X, 1, 52–54 and Dion. Hal. *De imit.* II, 2–4.